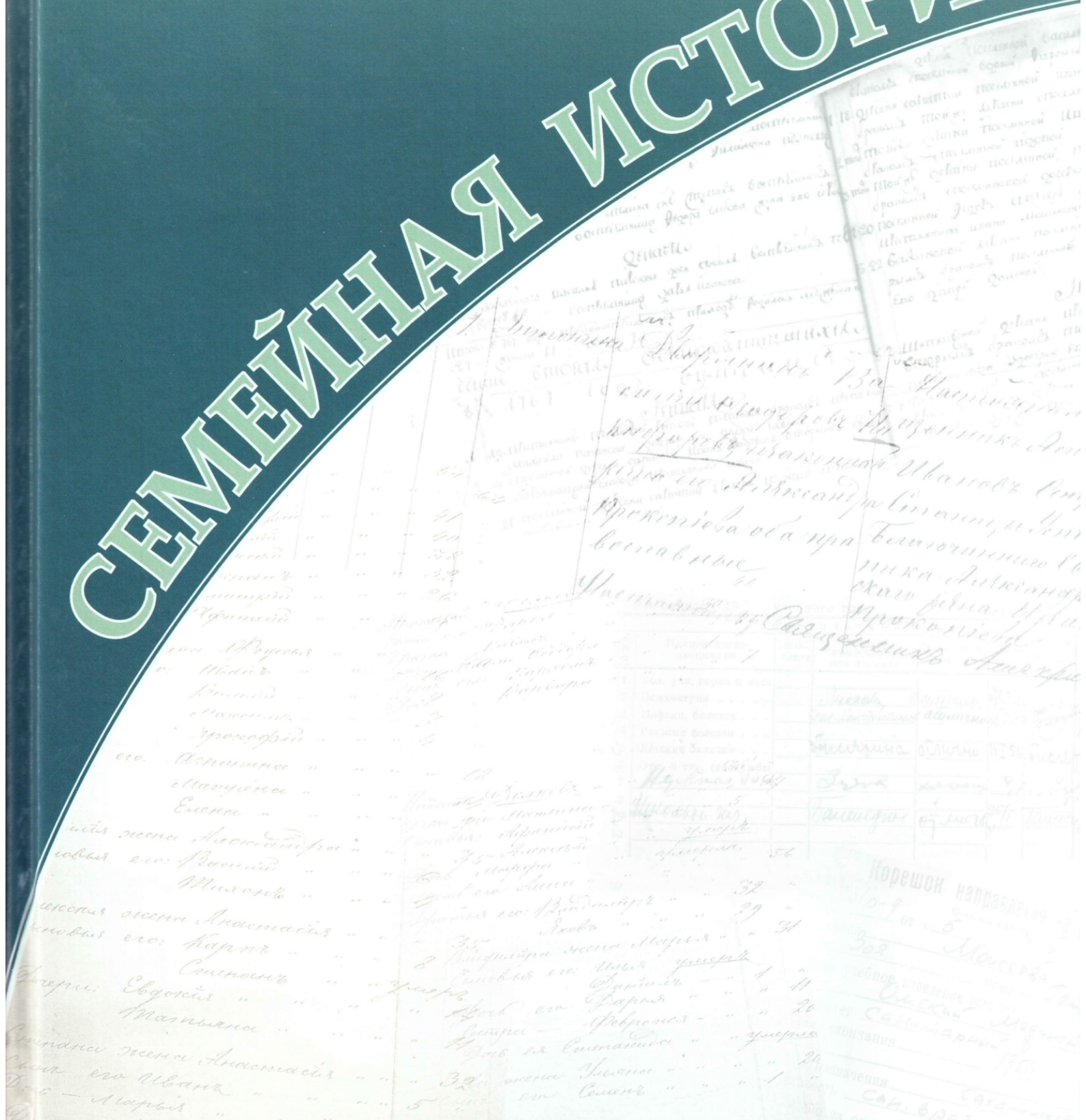

12+

С.А. НИКИФОРОВ

Т.Ю. ТИМОФЕЕВА

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Сергей Никифоров
Семейная история

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Никифоров С. А.

Семейная история / С. А. Никифоров — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Книга «Семейная история» посвящена истории рода Никифоровых-Зубовых-Моисеевых-Дьякбвых-Черниковых и представляет собой документальную реконструкцию жизненного пути представителей 14 поколений за 400 лет. Они покоряли Кавказ и были первопроходцами Сибири, строили российскую энергетику и лечили людей. Воины, земледельцы, священники, дворяне, чиновники, рабочие, интеллигенция – все они представлены в этой семье, и каждый из предков оставил свой след в истории рода, малой и большой Родины. Монография выполнена на материалах архивных источников с привлечением семейных воспоминаний и документов, содержит множество иллюстраций. Издание рекомендуется для изучения в ВУЗах гуманитарного профиля по специальностям "История России" и "Источниковедение", а также будет интересно широкому кругу читателей.

© Никифоров С. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ	6
ИСТОРИЯ РОДА НИКИФОРОВЫХ – ТИТОВЫХ	17
Фёдор и Василий Никифоровы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	37

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ

1 апреля 2011 года в семье Никифоровых-Дьяко́вых, у Сергея и Ларисы, родился мальчик. Сын и наследник рода Александр Никифоров. Как у всех детей, есть в нём с самого начала что-то от отца, а что-то от матери. А какие-то черты не повторяют никого. Или всё же похожи на каких-то предков? Ведь в этом человеке, которому, хочется надеяться, когда-то суждено продолжить свой род, соединились не только две ветви его родителей. Родословную семьи не зря называют фамильным деревом. У кого-то в нём густая крона, много боковых ветвей, а у других наоборот, длинные корни, а верхушка редкая... Но каждый листок, каждый представитель рода несёт в себе информацию о предках, близких и дальних, знакомых и забытых.

Кем они были? Какими они были? Сначала, пока маленькие – такими же детьми, как и Саша Никифоров. И всё же другими – ведь время и среда накладывают свой отпечаток на

человека, и люди XXI века думают и действуют по-другому, чем их прародители. Потом предки Александра выросли, как вырастет и он сам. И опять-таки время их взросления протекало в чём-то похожем, но по большей части совсем по-другому. Прапрапрадед Александра Василий Никифоров 13-летним подростком уже начал службу в суде, а другие дети в семьях Зубовых, Моисеевых, Дьяковых, Акуловых, Черниковых помогали своим родителям в хозяйстве.

Когда-нибудь и Саша спросит себя, чем так замечательна его семья, захочет понять, что и как собрало их всех вместе. Случай? История? Судьба? Всего в роду Никифоровых-Дьяковых удалось найти и сохранить сведения о жизни почти 2000 человек на протяжении четырёх столетий, от его первых прародителей, казаков и землепашцев, до ближайших родственников и современников Александра. Получилась эта книга – об уникальной истории семьи, где образование и воинская доблесть, верность традициям и готовность к переменам несколько веков двигали её представителей по жизни, сближая будущих родственников на пространстве российского государства служением своей стране и долгу.

Наступит день, когда Александр Сергеевич Никифоров возьмёт в руки семейную историю. Может быть, захочет продолжить её своей собственной историей жизни. Каждый из нас достоин памяти. И только от самого человека зависит, будут ли о нём самом помнить его дети, внуки, правнуки, праправнуки, оставит ли он им свои чувства, мысли, свой голос... И тогда уже они будут читать историю рода и открывать для себя, насколько разной и в то же время похожей она была на их собственную. Потому что у всех в жизни бывают трудности, но и счастливые времена тоже. И ещё потому, что все люди в этой книге – члены одной семьи, через годы и забвение вернувшиеся к потомкам, чтобы рассказать им об их корнях и о чём-то важном.

Любая семейная история начинается для человека в самом раннем детстве, с общения с бабушками и дедушками, их рассказов о своей жизни, ярких эпизодов и преданий из жизни рода. Они передаются из поколения в поколение, обычно вызывая живой интерес у потомков, которые пытаются представить старших членов семьи в пору их молодости, понять их стремления, мотивы и условия жизни. Но достоверными семейные легенды в любом случае могут быть лишь на протяжении жизни одного-двух поколений, потом подробности стираются, факты обрастают домыслами и предположениями. Многого просто забывается и ускользает от внимания внуков и правнуков, обстоятельства столь кардинально меняются, что трудно бывает даже в общих чертах представить, какой была жизнь в прошлом столетии. К сожалению, забываются и имена далёких родственников, теряются связи между разными ветвями одной семьи. Но всё же наступает момент, когда кто-то в семье вдруг понимает, что дальше так нельзя, что история каждой семьи и каждого человека интересна и уникальна, какой бы рядовой, «незамечательной» или сложной она ни казалась.

С этого понимания и желания узнать, «кто мы и откуда», обычно и начинается небыстрый и трудоёмкий путь генеалогического поиска. Его можно сравнить с тем, как человек идёт вверх по быстрому ручью, осторожно нащупывая дно, вглядываясь в то, что ждёт за поворотом, цепляясь за ветки прибрежных деревьев и кустов. Кто-то сравнит этот поиск с увлекательной рыбалкой или охотой, кто-то вспомнит о походе по грибы или ягоды. Все эти занятия объединяет одно: никогда не знаешь, что будет в конце, каким окажется результат. И так же, как на рыбалке или охоте, надо знать, кого ты считаешь найти, каковы их повадки, так и в генеалогии надо хотя бы по минимуму представлять, как и где начинать поиск. Если известны имя, фамилия и отчество, место рождения и род занятий предка, то можно считать себя готовым для похода в документальную чащу прошлого, то есть для начала работы в архивах. Потому что как бы ни были увлекательны рассказы любимой бабушки, все они требуют подтверждения или, по-научному, верификации по первоисточникам.

Так начинался и поиск по линиям семейной истории Никифоровых-Дьяковых. За немногими исключениями сохранившиеся сведения обрывались на уровне прабабушек и прадедушек, приблизительно в начале XX века. Наверное, это можно считать распространённым явле-

нием для России, связанным, прежде всего, с бурными изменениями в результате российской революции 1917 года, коренного слома уклада и географии жизни предшествовавших поколений. Но «белые пятна» семейной истории, полное отсутствие сведений о предках наталкивали и на мысли о наличии каких-то тайн, обстоятельств, которые их потомки пытались скрыть или изменить. Почему? Опять-таки под влиянием непростых условий недавнего прошлого или по каким-то иным причинам? И в начале поиска было принято единственно правильное для серьёзной и честной реконструкции любой семейной истории решение: искать всё, что было, опираясь строго на документы, не приукрашивая и не отвергая ни одного из возможных свидетельств, пытаясь понять и представить давно ушедших родных людей такими, какими они были.

Казалось оправданным и логичным начать поиск с ветви Никифоровых, то есть по линии отца Александра, С. А. Никифорова, давшей роду свою фамилию. Хорошая интеллигентная семья двух врачей знаменитой Центральной клинической больницы (ЦКБ), Зои и Арнольда Никифоровых, двое детей, московская жизнь в доме IV Управления Минздрава СССР в Кунцево, дача и пионерские лагеря – ну какие тут могут быть трудности в поиске предков, тем более, что бабушка и дедушка Сергея и Елены, Михаил и Клавдия Никифоровы, общались с внуками? Но первоначальный поиск отца и деда самого Михаила результатов практически не дал. А ведь он, по воспоминаниям внуков, был исключительно талантливым и интересным человеком. Хорошо рисовал, играл на фортепьяно, бабушка Клавдия любила цветы. Семья переехала в Москву в 1960-е годы с Дальнего Востока, из Южно-Сахалинска, до этого много переезжала. Михаил Аркадьевич никогда ничего не рассказывал ни о родителях, ни о месте своего рождения. Ничего не было известно и о родителях Клавдии Алексеевны. После нескольких полубесплодных попыток, в результате которых всё же наметилась принадлежность линии Никифоровых до 1917 года к сословию чиновничества, было решено кардинально изменить алгоритм поиска и обратиться к материнскому роду Зубовых-Моисеевых из сибирского села Черноозерье. Из него юная Зоя уехала в Омск учиться в медицинском институте, многое смог рассказать и её брат А. П. Зубов, ставший военным инженером.

По материнской линии С. А. Никифорова было с самого начала ясно и занятие предков – это были сибирские крестьяне. Но когда и откуда они появились в Черноозерье и вообще в Сибири? Это можно было попытаться выяснить лишь при условии сохранности основных источников по генеалогии «незамечательных людей» из податных сословий Российской империи: церковных метрических книг, рекрутских списков и ревизских сказок, то есть фактически первых переписей населения. Но слишком много бурь, к сожалению, уничтоживших многие архивные документы, пронеслось над страной даже за один XX век. Слишком мало внимания придавалось семейной истории недворянских, неаристократических родов, ведь даже фамилий большинство крестьян не имели очень долго. Всё же даже самый первый робкий запрос в Тобольский Государственный архив¹ неожиданно принёс и весомые результаты, и новые надежды. С помощью директора архива Т. Ю. Коклягиной удалось познакомиться с замечательным специалистом-профессионалом и увлечённым человеком – сотрудником архива Р. Р. Созоновой. Всеми первыми реальными успехами и, главное, уверенностью в их продолжении поиск обязан исключительно ей. По материалам переписи населения Российской империи 1897 года Р. Р. Созонова нашла первую новую ветвь семьи по материнской линии – Красноусовых, обратилась к более ранним источникам вплоть до начала XIX века. Она отметила, что предков Зубовых, Моисеевых, Красноусовых можно искать в метрических книгах сёл Черноозерье и

¹ Тобольск был основан в 1587 году как главный опорный пункт для российского освоения Сибири. Первым из сибирских поселений с 1590 года получил статус города, с 1708 года стал административным центром самой большой в России Сибирской губернии. В Тобольском архиве хранится основной массив документов по ранней истории края.

Баженово, хранящихся уже в Омске, в Историческом архиве Омской области. И в январе 2017 года было принято решение лететь в зимнюю Сибирь, в Омск и Тобольск.

Тобольск. Кремль

Сибирь оправдала все, даже самые смелые, ожидания. Яркий белый-белый снег, почти двухметровые сугробы, красивые улицы центра Омска, сохранившиеся строения Омской крепости, набережная застывшего мощного Иртыша... И как настоящий форпост и крепость российского фронта в бескрайней Сибири Тобольский Кремль, в гордом своём величии твёрдо стоящий на высоком холме с крутыми отрогами, обрывающимися к Иртышу. Золотая труба Ангела Сибири на одной из его башен, словно зовущая всё вокруг из прошлого в будущее, – это произвело не только сильное впечатление, но укрепляло предчувствие близких открытий.

Но работа в исследовательской поездке по Сибири была начата с особого хранилища – Архива Управления ФСБ по Омской области, где было найдено следственное дело на репрессированного в 1930-е годы деда С. А. Никифорова, П. М. Зубова. С соблюдением всех формальностей оно было предоставлено для ознакомления и копирования. Это свидетельство времени, о чём подробно говорится в тексте главы о Зубовых-Моисеевых, потрясло своей безыскусной жестокостью: Пётр Михайлович ни в каких действиях «против соввласти» не признался, да ничего и доказано не было. Итог – считать виновным и осудить на 5 лет исправительно-трудовых лагерей, двор и скот у семьи с маленькими детьми конфисковать.

После этого нелёгкого, но необходимого визита удачу принёс первый же день в читальном зале Омского архива. Метрические книги двух искомым сибирских сёл сохранились практически все, с момента постройки там храмов, а до этого можно было обратиться к таким же книгам соседних сёл, где совершались таинства крещения, венчания и проводились отпевания усопших из Черноозерья и Баженова. Всё это, как в пласте вечной мерзлоты, лежало в архиве практически в полной сохранности и полноте. К метрикам добавлялись ежегодные исповедные росписи, то есть посемейные списки крестьян с указаниями, кто был или не был за год на

исповеди, планы деревень, большой массив краеведческой литературы. Но, конечно, главным открытием стали люди.

Уже на этапе дистанционного поиска директор Омского архива Л. А. Чекалина и начальник отдела использования документов Н. С. Храпова оказали поддержку и содействие. В читальном зале метрические книги доступны на экранах компьютеров, что значительно облегчает сортировку информации и ускоряет работу. Находки посыпались буквально одна за другой. Были найдены записи о точных датах рождения и венчания П. М. Зубова и Е. И. Моисеевой, бабушки и дедушки С. А. Никифорова, определены ещё несколько фамилий, влившихся по женской линии в их род: Неждановы, Урлаповы, Калашниковы, Горбуновы, Рыжиковы...

Радость, сопутствовавшую этому обвалу информации о новых и новых персонажах семейной истории, трудно было скрыть. И она стала поводом для знакомства в читальном зале с удивительным энтузиастом сибирской истории и генеалогии И. В. Спешиловым. Он обладает энциклопедическими познаниями по освоению Сибири и её краеведческим материалам², поэтому сотрудничество с ним продолжалось не один месяц и вывело в результате на редчайший 100 %-ый результат в реконструкции родословной и семейной истории Зубовых-Моисеевых вплоть до момента переселения из Центральной России в Сибирь самых первых представителей многочисленных фамилий, влившихся в этот род. Вместе с поиском в РГАДА и на материалах сибирских архивов практически по всем ветвям было установлено время и место первоначальной миграции предков в Сибирь, что произошло в большинстве случаев в XVIII веке. В роду Зубовых значительную его часть сформировали казаки. И по некоторым из линий, прежде всего самим Зубовым и Красноусовым, по окладным книгам и другим источникам удалось проследить историю семьи вплоть до второй половины XVI века! Это был период освоения Сибири, походов самых первых из известных казачьих отрядов и стрелецких войск, и уже тогда далёкие предки этого рода воевали там за Россию и занимались крестьянским трудом на новых землях.

Крестьянские семьи, да и не только они, истари были многодетными. И на страницах метрических книг буквально ожили многочисленные младенцы – чтобы, по большей части, умереть, не дожив до года, максимум до двух-трёх-пяти лет. Самые точные сведения, самые точные даты рождения и смерти в родословном древе зафиксированы у тех двоюродных и троюродных, четверо-, пяти- и шестюродных прапрапра- прапра..., которые явились в этот мир и ушли из него, не дожив до взрослой жизни, не создав собственной семьи, не успев ни порадоваться счастью, ни перестрадать горестями. Но они вернулись к нам хотя бы своими именами, и теперь их место навсегда в родословном древе семьи, какой бы краткой ни была их жизнь, какие бы семейные трагедии ни скрывались за сухими датами, очертившими их существование. В семейной памяти они и будут жить.

После столь удачного развития событий по сибирской линии можно было с новыми силами вернуться к поискам по Никифоровым. В Санкт-Петербурге в РГИА с его неисчислимыми сведениями по чиновничьему корпусу Российской империи был найден формулярный список отца Михаила, Аркадия Никифорова, и установлено его отчество – Васильевич. Стало ясно, что эта ветвь принадлежит к совершенно другой группе людей, к чиновничьему корпусу, возможно, обладает дворянским достоинством. Прояснились и молчание М. А. Никифорова о своих корнях при советском режиме, истоки его собственных талантов, образованности и жизнестойкости.

Начал служить Аркадий Никифоров в Ставрополе, но окончил полный курс наук он в Кубанском Александровском реальном училище в Краснодаре. Поиск по электронному каталогу Ставропольского архива в фондах отделения Госбанка сразу же привёл к результату, в

² В краеведении Омской области особое место занимают книги ещё одного энтузиаста и профессионала своего дела – М. И. Санькова, которому тоже хочется высказать искреннюю благодарность за его труд.

который просто не верилось: сохранились не одно, а два личных дела инспектора Ставропольского отделения Госбанка А. В. Никифорова! Был сделан запрос на копирование всех документов. В разговоре с главным архивистом отдела информационного обеспечения ГАСК А. Ф. Катыевой, занимавшейся его исполнением, оказалось, что первым же листом в личном деле подшита фотография Аркадия. Выяснилось, что до 1917 года он был представлен, как когда-то и его отец, к чину надворного советника. А самым ценным документом, наряду с записью о венчании в Казанском соборе Ставрополя с М. Ф. Кузнецовой, стало Извлечение из послужного списка отца Аркадия, Василия Фёдоровича Никифорова.

Оно вскрыло трагедию семьи надворного советника В. Ф. Никифорова, в немолодых уже годах ставшего отцом восьмерых детей. Его – хотя это так и не было доказано ни одним документом – обвинили в хищении казённых денег, лишили чинов, дворянского достоинства и орденов. Всю оставшуюся жизнь прапрадед С. А. Никифорова будет одержим идеей доказать свою невиновность вернуть доставшийся ему с таким трудом социальный статус. Материалы судебного дела и многочисленные прошения В. Ф. Никифорова обнаружались в Москве с помощью ещё одного профессионала своего дела – сотрудника РГВИА В. М. Шабанова. Его не остановило отсутствие в каталоге архива В. Ф. Никифорова, но по фамилиям других фигурантов он нашёл-таки пятитомный фолиант следственного дела. А обстоятельства семейной жизни и рождения детей В. Ф. Никифорова помог прояснить основатель сайта «Кубанская генеалогия» и столь же высокого уровня специалист архивного дела А. В. Горбонос.

Одного только указания внучатого племянника К. А. Никифоровой (Титовой) Ивана Рахлеева – за что хочется его поблагодарить особо – Клавдия родилась в курском селе Кульбаки, в семье священника, оказалось достаточно для успешного поиска и выхода из забвения как минимум двухсотлетней династии сельских священнослужителей Титовых. Они происходили из Белгородской области, там же и ещё под Курском несколько поколений Титовых не только совершали богослужения в сельских храмах, но и занимались образованием крестьян, основывали в деревнях школы. И вся история этой семьи, чьи представители с середины XVIII века были грамотными, а позже оканчивали духовные училища и семинарии, оказалась для её потомков, детей отца Алексея (Титова) столь опасной при большевистском режиме, что они вынуждены были скрывать её и отказаться от семейных устоев...

За неравнодушный поиск и многократное содействие в реконструкции истории Титовых необходимо поблагодарить директора Государственного архива Курской области Н. А. Елагину, главного архивиста отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения О. В. Тимофеевко и старшего сотрудника этого отдела Т. А. Ползикову. А находки в читальном зале Государственного архива Белгородской области были бы невозможными без помощи его тогдашнего директора и специалиста по истории белгородского духовенства П. Ю. Субботина, главного хранителя фондов Е. В. Кривцовой и особенно – начальника отдела использования документов Т. В. Крыловой.

Во время поездки в Белгород история семьи Титовых позвала в село Головино. Там сохранился только фундамент от храма, где полвека служил отец Василий (Титов). Но и его найти было бы невозможно, если бы не внезапная помощь удивительно радушного человека, директора Головинской средней школы А. В. Ерёмченко. Оставив накануне учебного года все свои дела, он сел за руль, показал место, где стоял храм, а потом предложил съездить в село Хохлово за несколько десятков километров от Головина. Там служил брат отца Василия Михаил. А. В. Ерёмченко интересовался и историей семьи Лонгиновых, владельцев Андреевки-Головина. О. К. Лонгинова вышла замуж за поэта К. К. Случевского в сельской церкви св. Николая – венчал их отец Василий. В Головинской школе можно осмотреть и небольшую выставку, посвящённую истории села. Отныне там своё место найдёт и история священнослужителей Титовых. Ибо сами они теперь там, «...идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная»...

По мере разрастания родословного древа и новых находок по ветвям Никифоровых-Зубовых сторона древа, посвящённая линии Дьякóвых-Черниковых, стала требовать всё более пристального внимания и разработки. Хотя семья и родные А. Ф. Дьякóва, почётного гражданина станицы Марьинской, Пятигорска, Железноводска и Георгиевска, вместе с местными краеведами и музейными работниками занимались реконструкцией казачьего рода Дьякóвых-Акуловых, но многое ещё представлялось неточным или не было подтверждено копиями архивных документов. В первую очередь это удалось сделать в РГВИА, с помощью В. М. Шабанова найдя наградные листы и установив номера всех четырёх Георгиевских крестов участника Первой мировой войны, а до неё служившего в Императорском Конвое А. И. Акулова.

Для того чтобы ликвидировать белые пятна в исследовании семейной истории, поиск по этой линии был запущен одновременно в Москве, где хранится основной массив казачьих исповедных росписей Марьинской, Астрахани, где обнаружили росписи за первые годы её существования, и Нальчике – там удалось найти посемейный список казаков Марьинской конца XIX века. И везде открылось немало сведений и по линии Дьякóвых, которые бесспорно принадлежат к славным казакам-первостроителям Марьинской в конце XVIII века, уже тогда являя примеры воинской доблести и служения России, и по линии матери А. Ф. Дьякóва, А. А. Дьякóвой (Акуловой). В результате семейное древо обрело относительную сбалансированность. В связи с этим особую благодарность хочется высказать сотрудникам Государственного архива Астраханской области, Центральным государственным архивам Кабардино-Балкарской Республики и Республики Северная Осетия-Алания, а также знатоку рукописного фонда РГВИА В. М. Шабанову. Такую же благодарность необходимо принести и Е. А. Кожинной, племяннице А. Ф. Дьякóва, которая в одиночку, без усталости и профессионально занималась архивным поиском по истории семьи. Она оказала неоценимую помощь в разгадывании семейных ребусов в связи с тремя Иванами Елисеевичами – ведь только один из братьев являлся прямым предком А. Ф. Дьякóва. За радушный приём в Пятигорске и помощь в поездке в Марьинскую, а также ценные советы по истории казачества и краеведческую информацию хочется сердечно поблагодарить племянника А. Ф. Дьякóва – Ф. А. Дьякóва. Неутомимым спутником в поездке по Ставропольскому краю стал и Р. В. Дорофеев, на равных принимая участие в поиске памятных мест.

Безусловно, рассматривая страницы семейной истории Дьякóвых-Акуловых, нельзя не обратить внимания на то, как достойно его многочисленные представители исполняли свой воинский и гражданский долг, ведь даже Георгиевских кавалеров в роду было несколько. Но особенный вклад в российскую историю был внесён этой семьёй в XX веке, когда А. Ф. Дьякóв, талантливый инженер-энергетик и руководитель этой отрасли, стал сначала одним из создателей Ставропольской энергосистемы, а позже заместителем министра энергетики СССР. С февраля 1991 года А. Ф. Дьякóв возглавил новое Министерство топлива и энергетики Российской Федерации, получив возможность приступить в столь непростой для страны период к реализации своих смелых и передовых замыслов. Огромный объём организационной работы не заслонял для него главную задачу – сохранить всё лучшее из созданного в предшествующие десятилетия, не дать разрушить энергетическое хозяйство России – основу её процветания и безопасности. Именно А. Ф. Дьякóв предложил создать РАО «ЕЭС России», ему в 1992 году и было доверено стать его первым президентом³.

Со своей будущей женой Т. Ф. Дьякóвой (Черниковой) А. Ф. Дьякóв познакомился в Пятигорске. Этот город, причудливо раскинувшийся у подножья горы Машук, сочетает в себе, казалось бы, совершенно разные черты: курортной столицы Кавказских Минеральных Вод

³ Подробно о жизни и деятельности А. Ф. Дьякóва см. Дьякóв А. Ф. «Да будет свет...». М. 2007, Дьякóва Т. Ф. Прометей из станицы Марьинской. М. 2016.

и военного оплота Российской империи в этом регионе. История и современность, горы и долины, труд и отдых, русские и местные обычаи – всё это присутствует на его улицах, отражено в его запоминающемся и удивительно уютном облике. Мягким зелёным ковром укрыта земля с вершины Машука, и каменный орёл, как живой, расправляет крылья для полёта. А вдали как вечный часовой сияет снежными вершинами двуглавый Эльбрус.

Эльбрус

В процессе исследования истории семьи Никифоровых-Дьяко́вых неоднократно встречались символические совпадения и пересечения различных ветвей будущих родственников. Представители совершенно разных сословий и социальных групп не один раз оказывались вовлечёнными в одни и те же события, находились не так далеко друг от друга, конечно, ничего не зная об этом. Совершенно особым местом для таких пересечений в семейной истории стало Ставрополье. В селе Красногвардейском (Медвежье) одно время предки Черниковых-Дьяко́вых и Никифоровых-Кузнецовых даже жили вместе. Черниковы, происходившие из Курской губернии, так же, как и Дьяко́вы в Марьинской, принадлежали к первопоселенцам Медвежьего. Этот род, разрастаясь и множась, до сих пор составляет значительную часть его жителей. И неудивительно, что для помощи в обработке метрических книг этого села в Ставропольском государственном архиве потребовались усилия целой команды специалистов под руководством директора архива Л. В. Марковой. Три красивых храма в неовизантийском стиле были построены в Медвежье, два из них сохранились до сегодняшнего дня. И если бы не большая работа заместителя директора по научной работе И. А. Анненко, заведующей отделом информационного обеспечения В. В. Обуховой, архивистов Л. В. Чичёвой, Д. А. Сергеева, программиста Т. И. Барсуковой, вряд ли получилось бы разобраться в генеалогии семьи Черниковых-Ельниковых из Медвежьего и столь полно представить её в родословном древе. Особо хочется ещё раз поблагодарить главного архивиста А. Ф. Катыеву, которая не только сама активно участвовала и помогала в поиске, но и познакомила с ещё одной замечательной энтузиасткой генеалогиче-

ских исследований и знатоком истории Ставрополя, вдумчивым и равнодушным человеком – Е. М. Кравцовой.

Именно Е. М. Кравцовой удалось продолжить линию изучения семьи Никифоровых-Кузнецовых, углубив её до ветви Мизецких, доказать, что и они принадлежали к чиновничьему сословию, а также локализовать места проживания этой семьи в Ставрополе. Совместная прогулка с Е. М. Кравцовой по Подгорной улице, у подножия Крепостной горы, по улицам Ставрополя словно повернула время вспять, показав город таким, каким он был во времена службы там А. В. Никифорова, первых его встреч с будущей женой, рождения у молодой семьи двух дочерей и сына Михаила.

Большой удачей стала находка в Государственном архиве Воронежской области послужных документов С. А. Трофименко, деда по матери Т. Ф. Дьякбвой (Черниковой). Уже в 1915 году он служил фельдшером на ЮВЖД, в Воронеже и Новочеркасске, был женат. По этим источникам был определён точный год его рождения, а также его происхождение из мещан города Екатеринослава (ныне Дніпро, ранее Днепрпетровск). Сотрудник Днепрпетровского национального исторического музея имени Д. И. Яворницкого историк, культуролог и увлечённый краевед М. Э. Кавун любезно предоставил ценную краеведческую информацию по земской фельдшерской школе, которую в начале XX века окончил С. А. Трофименко. Историк Е. Б. Глушак посоветовала обратиться к исследователю из Киева А. С. Новикову, ещё одному генеалогу с обширными знаниями, который совершил важнейшие находки в метрических книгах Екатеринослава, за что ему также хочется сказать большое спасибо. Не зная ничего о том, в каком конкретно храме семья Трофименко крестила детей, он всё же нашёл в книгах сразу двух церквей записи о рождении Семёна и Фёдора с полными именами-отчествами родителей. Кроме того, стало известно, что младший брат, Фёдор, в своё время женился и у него родился сын Лев. К сожалению, несмотря на большой объём просмотренных в Киеве и Днепре дополнительных источников, ничего больше о жизни семьи Трофименко в Екатеринославе, роде их занятий и юности Семёна узнать не удалось.

Самое большое разочарование в процессе реконструкции различных ветвей рода Никифоровых-Дьякбвых, к сожалению, ждало на этапе поиска истоков семьи Митрофана и Ксении Алёхиных, родителей Анны, бабушки Т. Ф. Дьякбвой (Черниковой) по материнской линии. Сохранилось только несколько фотографий: самой Ксении Поликарповны, двух её сыновей, дочери Анны. По семейным сведениям, Митрофан Алёхин служил на ЮВЖД в Воронеже, поэтому удивительно, что никаких следов его и семьи в городе обнаружить не удалось. В Воронежском архиве практически не сохранилось метрических книг городских церквей за конец XIX – начало XX вв., всё уничтожили войны и революция. Нет и архивных материалов воронежских гимназий. Фонд ЮВЖД представляет собой некаталогизированный, то есть несортированный массив документов. Не зная ни отчества М. Алёхина, ни точных дат и места рождения его с женой и старших детей, сдвинуть с места генеалогический поиск по их ветви оказалось невозможно. Была всё же предпринята отчаянная попытка связать родных Т. Ф. Дьякбвой с известным железнодорожным инженером второй половины XIX века Н. А. Алёхиным, какое-то время служившим в том же регионе. Тщетно: среди его сыновей, названных в формулярном списке отца (РГИА), не оказалось Митрофана. Не дал определённых результатов и поиск в Государственном архиве Липецкой области по фамилии Алёхиных. Можно лишь констатировать неудачу, но в то же время эта линия может стать предметом исследований в будущем: в генеалогии никогда не стоит терять надежду.

Для облегчения работы с родословным древом и линиями предков были проведены нумерация персон в древе, а также сквозная нумерация всех найденных документов с указанием архивных шифров. Внутри каждого источника каждой отдельной записи, каждой копии тоже был присвоен внутренний номер. Например, 122-3: 122 – номер всего документа, 3 – его части, где упоминается то или иное конкретное лицо. Все эти сведения собраны в имен-

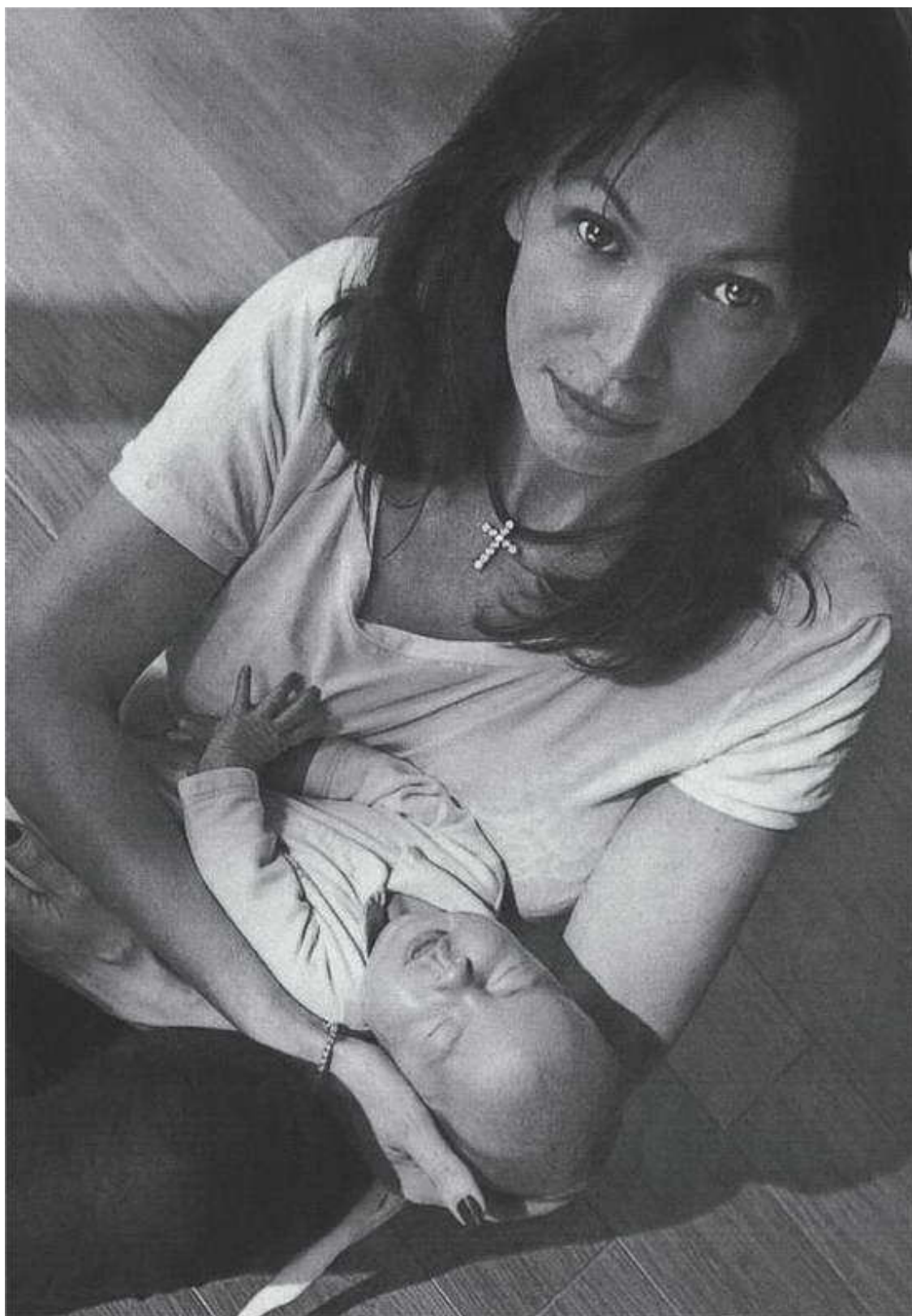
ном указателе, где приведены номера документов с точными или вычисленными по одной из записей сведениями о рождении, бракосочетании и смерти каждого из близких и дальних родственников. Включены и иные сведения: изменение фамилии у женщин (девичья или по другому браку), разночтения и ошибки, номера дополнительных документов и т. п. Для того чтобы быстрее найти необходимый источник по его номеру, оглавление второй книги составлено как по фамильно-тематическому принципу, так и продублировано в сквозном виде по номерам документов (см. Перечень документов по номерам).

Если информация о человеке исходила со слов ныне живущих родных, то указаны только даты его жизни. В немногих случаях, если копии документов отсутствуют, в именном указателе приведены их архивные шифры или отмечено, что родство предполагается. Поиск можно проводить или по алфавитному списку людей (указатель по фамилиям), или по номеру в родословном древе (указатель по номерам). В тексте книги номер в родословном древе указан в квадратных скобках после фамилии при первом упоминании человека. Все важнейшие документальные материалы в полном или сокращённом виде включены в первую книгу (см. Приложение (документы)). Полное собрание документов по истории семьи содержится в электронной версии второй книги. Для всех архивных первоисточников указаны их местонахождение и шифры, остальные документы взяты из семейных архивов Никифоровых и Дьяковых. Фотографии в тексте даны из открытых источников и семейных альбомов.

В справочном разделе приведены также списки сокращений и встречающихся в древе имён с имеющимися разночтениями между народной и /или общеупотребительной, традиционной формой и церковным её написанием. В родословном древе указаны наиболее часто употребляемые формы имён, однако в комментариях также отмечены иное написание, ошибки в метрических книгах и некоторые другие сведения. Записи в церковных книгах и иные рукописные документы расшифрованы с сохранением орфографии и стиля подлинника.

Семейная история Никифоровых-Дьяковых ценна не только своей стройностью и разнообразием, уникальностью и обыденностью одновременно. В основу книги был положен принцип показа истории рода в конкретных местах обитания на фоне российской истории, переплетения судеб, регионов, событий. Прделанная работа ещё раз подтвердила непреложный факт о ценности каждой жизни, каждого человеческого существования, каждого жизненного опыта. В своё время и на своём месте сотни людей вплетали свою историю в историю страны, пытаясь найти себя, оставляя свой неповторимый след. Исключительная жизненная сила, отличавшая все без исключения ветви семейного древа, постоянный поиск и неустанное укрепление основ существования семьи, стремление к образованию, служению своей стране и просто к человеческому счастью являются её заветом и ориентиром для будущих поколений.

С. А. Никифоров

Маленький Саша Никифоров с мамой Ларисой

ИСТОРИЯ РОДА НИКИФОРОВЫХ – ТИТОВЫХ

ИСТОРИЯ РОДА НИКИФОРОВЫХ- ТИТОВЫХ

Фёдор и Василий Никифоровы

Наступил 1813 год. Второй год Отечественной войны против войск Наполеона, ещё недавно стоявшего на Поклонной горе в Москве в ожидании ключей от древней столицы. 13 января русская армия под командованием фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова перешла Неман, по которому тогда проходила граница Российской империи. Начался её знаменитый Заграничный поход, закончившийся для русских воинов в столице Франции, в Париже.

Был ли в числе тех русских войск обер-офицер Фёдор Никифоров⁴[1407], принимал ли он участие в сражениях с армией Наполеона, в Битве народов под Лейпцигом 1813 года, решившей судьбу французского императора и исход войны, к сожалению, неизвестно. Не исключено, что его полк остался в России. Возможно, Фёдор был ранен и переведён в тыловой полк. Во всяком случае, за 1821 год в делах Российского государственного военного архива есть краткая запись о переводе некоего прапорщика Никифорова (без имени) из Владимирского внутреннего гарнизонного батальона в уездную инвалидную (ветеранов службы) команду⁵. Но есть вероятность и того, что его обер-офицерское звание – лишь свидетельство того, что Фёдор Никифоров принадлежал к корпусу чиновников, был грамотным и служил России по гражданскому ведомству. Тем не менее стоит полагать, что он всё-таки был военным. Ведь в период отражения нашествия армии Наполеона на Россию обер-офицерские звания наиболее часто присуждались за отличия в военной службе. Как бы то ни было, но у Фёдора в 1813 году родился сын Василий⁶[1032]. В его послужном списке и указано происхождение «из обер-офицерских детей Владимирской губернии»⁷, то есть то, что его отец имел статус обер-офицера и служил в этом регионе. Что это значило более двухсот лет назад, какая карьера открывалась перед мальчиком в будущем?

Обер-офицерские дети составляли особое сословие Российской империи со времён Петра I, открывшего для этой категории служивых людей возможности социального лифта. Уже в Воинском Уставе 1716 года упомянуты унтер-, обер- и штаб-офицеры. «Обер-», то есть «вышние», офицеры имели звания от прапорщика до майора, хотя с течением времени ситуация неоднократно менялась.

У храброго грамотного солдата из крестьян в начале XIX века теоретически существовала возможность дослужиться до унтер-офицера, а лет через десять-двенадцать получить и чин обер-офицера. Легче это было сделать тем, кто происходил из однодворцев⁸. Участие в военных действиях, отличия в сражениях обычно резко ускоряли продвижение по социальной лестнице, так случилось и в Отечественной войне 1812 года. С получением чина обер-офицера Фёдор Никифоров приобретал права личного дворянина, распространявшиеся и на его жену, но не на детей. Если же его карьера успешно продвигалась далее, то с чина штаб-офицера или чиновника VIII класса можно было рассчитывать и на потомственное дворянство. А это уже принципиально облегчало бы его детям начало и продвижение по службе. В ином случае они должны были строить свою жизнь практически с нуля, получив хотя бы азы грамотности в 2-х или 4-х классном народном училище.

Именно так начал службу и Василий Фёдорович Никифоров[1032]. 13-летним подростком 1 декабря 1826 года он уже записан копиистом Дмитровского уездного суда⁹. Важно отметить, что последующие места службы Василия – Карачев, Орёл – дают основание полагать, что речь идёт о Дмитровске Орловской губернии, а не о древнем русском городе Дмитрове на севере от Москвы. Однако происхождение Василия из обер-офицерских детей заведомо освобождает его от рекрутской повинности, телесных наказаний и, главное, подушной подати.

⁴ Прапрапрадед С. А. и Е. А. Никифоровых.

⁵ Инвалидные команды в уездных городах существовали в 1811–1865 годах. Это название не обязательно означало серьёзное увечье, они пополнялись военными служащими, не отслужившими положенный 25-летний срок, как правило, после перенесённого ранения. До окончания срока службы они могли перейти в другие воинские формирования, в том числе в городскую полицию, т. е. оставались трудоспособными.

⁶ Прапрадед С. А. и Е. А. Никифоровых.

⁷ ГКАУ ГАСК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

⁸ Однодворцы в Российской империи – сословие, социальный слой, возникший при расширении южных границ Русского государства и состоявший из военизированных землевладельцев, живших на окраинах государства и несших охрану пограничья. См. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Однодворцы>. Так иногда называли и обедневших дворян, владевших всего несколькими крестьянами и небольшим участком земли.

⁹ Там же.

Кроме того, он по рождению уже числится не ниже 3-го чиновничьего разряда, а для получения заветного чина коллежского регистратора, дававшего личное дворянство и принципиально иной социальный статус, ему достаточно беспорочно выслужить свыше 4 лет, правда, в реальности – не менее 10–15. Но это всё. Денег, скорее всего, у семьи не было, собственности тоже. И сколько у Василия при этом было братьев и сестёр – узнать, к сожалению, не удалось. Семья рано выпустила мальчика во взрослую жизнь, которую он должен был сделать сам.

Орловская губерния в XIX в.

Герб Орловской губернии

Герб уездного города Дмитровска

Копиист – это низшая должность в судебной канцелярии. Все остальные – секретарь, канцеляристы, подканцеляристы – могли приказать Василию быстро и чисто переписать служебную бумагу, приготовить чай или послать куда-то. Пренебрежительное отношение к младшим, сословно-имущественные различия проявлялись в российской системе управления в полной мере. Ф. Ф. Вигель, бывший в 1820-е годы вице-губернатором Бессарабии, так описывает реальности судебных учреждений того времени: «Писцы и самые секретари употреблялись в домашнюю работу у присутствующих и судей. Нередко можно было видеть логофета или писца, который, положив перо, становится за каретой своего начальника»¹⁰. Работали малолетние чиновники наравне с взрослыми, «присутствовали» на службе по 10 часов в день, за прогулы их могли лишить столь необходимого семье жалования, запереть «безвыходно» на месте службы до окончания работ, а то и «сдать» в солдаты. Поощрялось абсолютное послушание, а поздравления начальства к праздникам, в том числе и денежные, имели силу негласного закона.

¹⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891. Ч. 1. С. 162.

Абсолютно необходимым условием для карьеры был красивый разборчивый почерк, его мы можем увидеть на поздних прошениях, собственноручно написанных Василием Никифоровым. Копиистами в XVIII – начале XIX вв. начинали служить в очень раннем возрасте – в 10–14 лет – как дворянские, так и недворянские дети. В 1828 году правительство опомнилось и всё же ввело возрастные ограничения: разрешалось принимать на службу лиц не моложе 14 лет, а начало действительной службы отсчитывалось после 16-ти¹¹.

Жил ли юный Василий вместе с родителями – этого мы тоже не знаем. Ему было всего 13 лет – казалось бы, вряд ли он был один, но если Фёдора Никифорова не перевели в середине 1820-х годов на службу в Дмитровск, то мальчик мог оказаться там, где в тот момент было свободное место копииста, пусть и не в том городе, где жила родительская семья. Тогда Василий должен был снимать жильё и питаться у чужих людей.

Дмитровск был основан в 1711 году, когда Пётр I подарил эти земли молдавскому князю Дмитрию Кантемиру, а уездный суд в нём появился с 1779 года. Однако своё имя тогдашнее поселение Дмитровка получило не от Кантемира, но по выстроенной там деревянной церкви Дмитрия Солунского. В 1744 году эти земли отошли обратно в императорскую казну.

В 1787 году император Павел I пожаловал значительную часть бывших владений Кантемиров канцлеру графу Александру Андреевичу Безбородко. Посетивший в 1810 году имение Безбородко князь И. М. Долгорукий оставил краткое свидетельство: «Город Дмитровск, в котором мы остановились, невелик, но довольно хорошо расположен. В нём строится собор и корпус для присутственных мест»¹².

В 1782 году Екатерина II даровала Дмитровке статус города, с этого времени и меняется её название на Дмитровск. Новый город имел 2 церкви, ратушу и думу, 51 деревянную и 10 каменных лавок, пруд на речке Общерице. Первоначальная планировка Дмитровска не отличалась своеобразием. Три широких проезжих улицы, по которым ходил юный Василий Никифоров, вытянулись почти параллельно вдоль берега реки. Семь коротких улочек соединяли застройку с береговой зоной, где около церкви располагалась крупная торговая площадь, а восточнее неё находилась обширная усадьба Кантемиров-Безбородко. В 1802 году Дмитровску был передан герб города Лугани с изображением барана на зелёном поле. С этого времени город начинает быстро расти. Примечательно, что каменная церковь Дмитрия Солунского на высоком берегу Общерицы, возведённая ещё в 1723 году Кантемиром, сохранилась доньше и является действующим храмом. Это памятник архитектуры федерального значения, единственный храм в стиле барокко петровской эпохи во всей Орловской области.

¹¹ <https://statehistory.ru/4708/Rossiyskiy-chinovnik-na-sluzhbe-v-kontse-XVIII-pervoy-polovine-XIX-veka/>

¹² Цит. по: Неделин В. М., Ромашов В. М. Архитектурные древности Орловщины. Кн. 2. Орёл. 2009. См. <http://www.geocaching.su/?cid=11660&pn=101>

Храм Дмитрия Солунского в Дмитровске. Современный вид

Уездный суд являлся первой инстанцией для рассмотрения мелких гражданских и уголовных дел, касающихся всех сословий уезда, за исключением мещанского, то есть горожан. В первую очередь в таких судах разбирались споры о размежевании земель, купле-продаже крестьян, наследовании имущества и т. п. В суде, как правило, хранились межевые книги и планы, оформлялись крепостные акты и документы, проводились ревизии уездного казначейства. Каждое дело попадало сначала к секретарю суда, который начинал его рассматривать с помощью своих помощников. Они, в том числе и копиист Василий Никифоров, составляли подробную записку, где излагались содержание дела, позиции и доказательная база сторон, приводились подробные ссылки на законы. Потом секретарь суда докладывал содержание записки общему присутствию суда и передавал её на рассмотрение. Суд окончательно исследовал дело и выносил по нему приговор, состязательный процесс отсутствовал как таковой. По всей видимости, Василий Никифоров служил на своём месте усердно, с 31 декабря 1828 года его повысили до подканцеляриста¹³.

¹³ Извлечение из послужного списка Василия Никифорова. ГКАУ ГАСК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

Здание суда в Дмитровске-Орловском

А 22 января 1830 года¹⁴ повзрослевшего Василия Никифорова перевели служить в городническое правление¹⁵ города Карачева, раскинувшегося на берегу реки Снежень в 69 км от Дмитровска. Находилось оно на Козельской улице (ныне Советская). Во главе его стоял городничий, имевший, по крайней мере, VIII чиновничий класс по «Табели о рангах», следивший за порядком и жизнью в городе в целом. Штат правления составляли полностью зависимые от городничего канцеляристы, копиисты, а также частные приставы и квартальные надзиратели.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Орган административно-полицейской власти в уездных городах в 1775–1862 годах.

Въезд в город с изображением герба

В отличие от Дмитровска Карачев является одним из древнейших русских городов. Он впервые упоминается в Ипатьевской летописи на год раньше Москвы – в 1146 году, какое-то время он даже был центром удельного княжества. Название города имеет несколько объяснений, одним из которых является тюркское слово «карачев» – чёрный лес. Другие источники связывают его с одним из языческих славянских божков «корочуном». Занимая выгодное географическое положение между Орлом и Брянском, Москвой и Украиной, Карачев в начале XIX века становится важным торговым городом и быстро застраивается каменными зданиями. Мимо тех, что сохранились до наших времён, каждый день спешил на службу и молодой чиновник Василий Никифоров.

Пример старинной застройки Карачева

Можно предположить, что для Василия перевод в Карачев являлся повышением. В этом городе он проведёт семь лет молодости, пока его, уже совсем взрослого по тем временам человека, 15 апреля 1837 года не переведут в губернский город Орёл, в канцелярию губернатора¹⁶. Но там он задержится всего на неполный год. 28 марта 1838 года «по вызову начальства» он уже на Кавказе¹⁷, со службой там будут отныне связаны его жизнь и судьба, готовившая ему как взлёты, так и сокрушительные падения.

¹⁶ Извлечение из послужного списка Василия Никифорова. ГКАУ ГАСК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

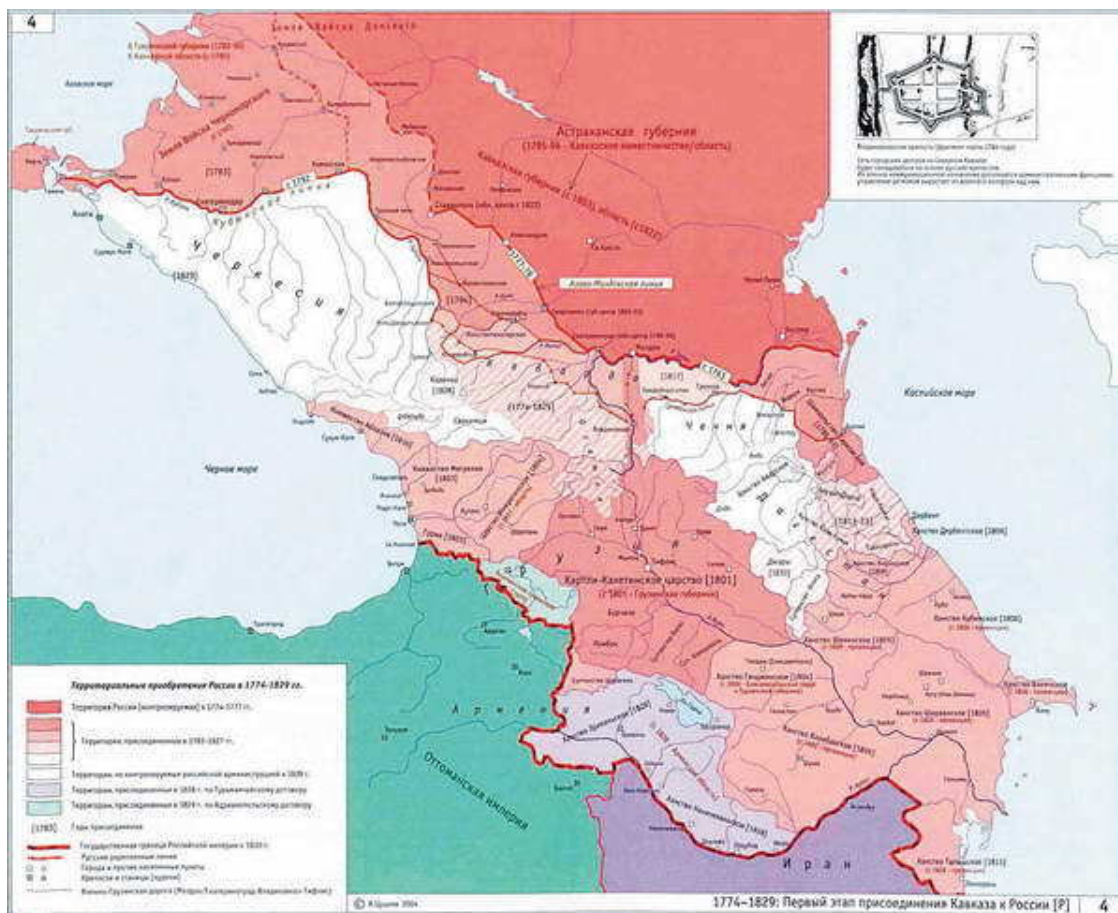
¹⁷ Там же.

Карачев. Собор Михаила Архангела, XVIII в. В этом главном городском храме не мог не бывать Василий Никифоров

История покорения и вхождения Кавказа в состав Российской империи длительна и глубоко трагична. Местным горским народам, особенно малочисленным, невозможно было сопротивляться экспансии крупного соседа, принёсшего им цивилизационный слом, иную культуру и чуждую ментальность. Но альтернативным вариантом становилось лишь подчинение другому мощному государству – Турции, чьи интересы исстари сталкивались с российскими. Насилие и с той, и с другой стороны было практически единственным средством утвердить свою власть в регионе.

Одним из первых шагов российского правительства на Кавказе было проектирование и строительство укрепленных линий крепостей – опорных пунктов для дальнейшего продвижения и защиты самой российской территории от набегов неприятеля. В 1774-75 годах была начата постройка Азово-Моздокской линии от Терека до самого Дона. Десять её крепостей должны были зримо утвердить власть России в этом регионе и обезопасить её передовые гарнизоны, состоявшие в основном из казаков: гребенских, терских, а также спешно переселяемых донских, хоперских, волжских.

Азово-Моздокская линия и территориальные приобретения России на Кавказе в начале XIX века

5 мая 1785 года была официально учреждена Кавказская губерния (наместничество) из 6 уездов, центром которой с 1802 года стал Георгиевск (с 1824 года – Ставрополь). Она занимала территорию от Каспийского моря до устья Лабы и от Маныча до предгорий. Недалеко от Георгиевска и Пятигорска казаки построили крепость святой Марии – станицу Марьинскую, в которой несли службу переселённые с Волги и Хопра казаки Дьяковы, Акуловы, Чеботарёвы – предки Ларисы Анатольевны Дьяковой [33]. А в 1838 году в Ставрополь приедет и Василий Никифоров – прапрадед её мужа Сергея Арнольдовича Никифорова [32]. Так история их семьи делает очередной круг, сближая представителей разных родов и сословий, которых на самом деле всегда соединяло одно – они были в центре событий, в гуще российской политики, служили стране на переднем крае её истории, будь то освоение Сибири в XVI–XVIII веках или покорение Кавказа в XIX веке. Эти люди не отсиживались в российской глубинке. Не имея за собой родовых поместий и крепостных крестьян, они делали свою жизнь сами. Энергия, предприимчивость, храбрость, выносливость были их естественными качествами.

Начальниками Кавказской области в 1838 году были сменившие друг друга генералы М. М. Таубе и П. Х. Граббе, губернатором – действительный статский советник А. В. Семенов. В числе их подчинённых отныне находился молодой канцелярский служащий Василий Никифоров, зачисленный в штат Кавказской Казённой палаты¹⁸. Можно утверждать, что для него

¹⁸ Кавказская (с 1847 г. – Ставропольская) казённая палата (1804–1918) – главный финансовый и хозяйственный орган Российского государства на Кавказе. Её деятельность охватывала широкий круг задач: надзор за налоговыми поступлениями, винными и соляными откупами, прочими источниками доходов, финансовый контроль и распоряжение государственным иму-

это было начало серьёзной самостоятельной работы, связанной с финансами и госимуществом, дающей реальные шансы в карьере и в жизни. Скромный копиист или канцелярист, во внутренних областях России получавший мизерное жалование, не мог рассчитывать на быстрое продвижение по служебной лестнице, более-менее приличный доход для обеспечения не только себя, но и семьи. Иногда не было возможности даже думать о женитьбе. А служба на Кавказе, на протяжении всего XIX века практически на линии фронта, с опасностью для жизни, открывала возможность выслуги. Из-за недостатка кадров предполагалось, что согласившийся на перевод на Кавказ сразу автоматически повышался в чине. Вот и Василий Никифоров, чья карьера явно застопорилась, теперь мог проявить себя в полной мере.

Но для начала при вступлении в должность он был обязан, как и все другие чиновники Казённой палаты, дать нерушимое «Клятвенное обещание»: что он будет «верно и нелицемерно служить, поспешествовать все, что к верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может, всякую вверенную тайность крепко хранить, и поверенный и положенный чин по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяге не поступать...»¹⁹. Вероятнее всего, Василий дал эту клятву с лёгким сердцем и активно взялся за работу, которую вскоре оценили по достоинству: с 1 декабря 1838 года Василий Фёдорович Никифоров получил заветный чин коллежского регистратора, самый низший, XIV-го класса, но уже из классных гражданских чинов «Табели о рангах» (соответствовал до 1884 года армейскому чину прапорщика). Для Василия он был особенно важен, так как (до 1845) он давал главное – право на личное дворянство, которое в своё время выслужил и его отец, и титульное обращение «Ваше Благородие», то есть принципиально более высокий сословный статус²⁰.

До 1845 года Василий исправлял должности письмоводителя и столоначальника, в основном при военных госпиталях (Екатеринодарском, Абинском, Щедринском). Молодой чиновник воочию видел раненых солдат и офицеров, слышал их рассказы о непрекращающихся боевых действиях, происходивших буквально за порогом госпитальных палат, о набегах и жестокости непокорных горцев. Хотя непримиримостью отличались обе стороны, и война на Кавказе в 40-е годы XIX века приобрела особенно напряжённый характер. Русскую армию, казалось, преследовали неудачи, а имам Шамиль всё более укреплял свои позиции в Дагестане и Чечне. Тем не менее Никифоров и не помышлял о переводе в более спокойное место, видимо, надеясь, что его служебное рвение будет оценено по достоинству. Надежды оправдались: 23 ноября 1843 года Указом Правительствующего Сената № 1187 Василию был присвоен следующий чин – губернского секретаря, причём задним числом, то есть с 1 декабря 1842 года²¹, что означало по крайней мере солидную выплату разницы в окладах за истекший год. Никифоров уже был на пороге 30-летия, но о своей семье думать было всё ещё рано, ни жилья, ни сбережений у него так и не было...

С апреля 1845 года губернский секретарь Василий Никифоров начинает новый этап своей службы и карьеры – работу непосредственно с финансовыми делами. Он назначен бухгалтером Червлёнского военного госпиталя, а с 1846 года в ранге смотрителя Вельяминовского провиантского магазина²² наконец обретает и долгожданную, пусть и относительную, служебную самостоятельность – он несёт полную ответственность за выдачу съестных припасов вой-

ществом: землями, лесами, водами, казёнными предприятиями, государственными крестьянами, переписи податного населения. См. ГКАУ ГАСК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

¹⁹ Цит. по: https://stpravda.ru/20140322/210_let_nazad_byla_sozdana_kavkazskaya_kazennaya_palata_75435.html

²⁰ Извлечение из послужного списка Василия Никифорова. ГКАУ ГАСК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 4-4об.

²¹ Там же. Л. 4об.

²² Там же. Провиантский склад, провиантский магазин – тип общественных казённых сооружений в Российской империи, склад съестных припасов для войска. См. См.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Магазин_\(военный_склад\)#История](https://ru.wikipedia.org/wiki/Магазин_(военный_склад)#История)

скам, их сохранность и качество, за финансовую отчётность. В это же время, по его собственным свидетельствам, его настигает тяжкая болезнь – безвозвратно слепнет правый глаз...²³

Вельяминовское укрепление, с которого началась история современного города Туапсе, было заложено совсем недавно до появления там Никифорова, в 1838 году, в устье реки Туапсе, на десятый день после высадки десантного отряда генерал-майора Н. Н. Раевского-младшего (1801–1843) с кораблей Геленджикской эскадры Черноморского флота. В 1840 году укрепление разрушили горцы, но в том же году оно было восстановлено после второго десанта того же Николая Раевского... Интересно, видел ли Василий этого блестящего офицера, в десять лет вместе с отцом и 16-летним братом Александром ставшего героем Бородинской битвы, о чём А. С. Пушкин написал гордые и пронзительные строки:

Едва-едва расцвёл, и вслед отца-героя
В поля кровавые под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.

Скорее всего, они не встречались, ведь в 1841 году генерал, почувствовав нараставшую немилость императора Николая I, уволился в отставку. Но многих других героев русской армии из нижних чинов Василий Никифоров мог и видеть, и даже знать лично. Да и сам он как смотритель армейских магазинов был почти всегда в непосредственной близости от линии боевых действий. Безусловно, по долгу службы он должен был общаться и с казаками, может быть, его пути как-то пересекались с Дьяковыми Волгского полка. Ведь служили они практически в одних и тех же местах, в регионе Ставрополя и Екатеринодара.

Более двух лет смотрителям на одном месте служить запрещалось, во избежание мздоимства и растраты казённых средств, этой вечной беды Российского государства на протяжении всей его истории. Поэтому

Василия постоянно переводят из одного места в другое: в 1846–1861 годах он являлся смотрителем Кисловодского, Тифлисского, Серебряковского, Великолагерного и, наконец, Лабинского магазинов, не задерживаясь нигде дольше положенного срока, в промежутках исполняя обязанности войскового комиссионера Ставропольского полевого провиантского комиссионерства. Все его молодые годы прошли на фоне Кавказской войны, а о том, как он служил, говорят его повышения и награды:

- с 14 мая 1847 года Высочайшим приказом № 38 произведён в коллежские секретари;
- 22 августа 1851 года награждён Знаком отличия за 15 лет беспорочной службы;
- 20 декабря 1853 года Высочайшим приказом № 53 произведён в титулярные советники с 14 мая 1851 года;
- 9 декабря 1856 года Высочайшим приказом № 15 произведён в коллежские ассессоры с 6 апреля 1856 года;
- 28 января 1859 года награждён бронзовой медалью в память войны 1853-56 годов (Крымская война);
- с разрешения Военного Министра, изъяснённого в предписании генерал-интенданта № 4154 от 6 июня 1860 года, производится добавочное жалование за выслугу 10 лет на Кавказе в размере 0,5 оклада – 71 р. 50 коп. в год с 5 июня 1857 года;
- 24 марта 1861 года пожалован орденом св. Станислава 3-й степени;
- 16 июля 1861 года Высочайшим приказом № 30 произведён в надворные советники с 9 декабря 1860 года²⁴.

Надворный советник – это статский классный чин VII класса, соответствовавший подполковнику в армии и сопровождавшийся титульным обращением «Ваше Высокоблагородие».

²³ См. прошение исключённого из службы надворного советника В. Ф. Никифорова министру императорского двора от 5 апреля 1888 года. РГИА. Ф. 472. Канцелярия министерства императорского двора. Оп. 38. Д. 1. Л. 142–143.

²⁴ Извлечение из послужного списка Василия Никифорова. ГКАУ ГАСК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 4об.-6об.

Может быть, Василий Фёдорович вспомнил, что именно так обращались к господину судье в Дмитровском уездном суде, когда он начинал там служить маленьким копиистом, потому что судья, являясь дворянином, имел чин надворного советника. Если бы и сам Василий Никифоров вдруг получил бы этот чин (или любой российский орден) ранее 1845 года, то ему и его семье, включая детей, было бы присвоено потомственное дворянство. Он бы самым успешным образом завершил процесс социального подъёма, начатый, по всей вероятности, его отцом Фёдором Никифоровым, дослужившимся до обер-офицера. Все дороги в Российской империи, все возможности его семье были бы открыты, а её членов занесли бы в соответствующую родословную книгу. Кстати, именно так стали дворянами большинство российских учёных, поскольку звание профессора автоматически влекло за собой присвоение именно чина надворного советника. По выходе в отставку Василий Фёдорович получал бы достаточное содержание, чтобы не бедствовать.

Однако ему не повезло: реформа 1845 года радикально усложнила процесс обретения потомственного дворянства в России. «Обесценивание» статуса дворянина и рост числа выходцев из недворянских семей, получавших права этого сословия только по выслуге лет, привели к тому, что теперь потомственное дворянство даровалось только при присвоении гражданскому чиновнику чина V класса, статского советника. У Василия Никифорова оставалась ещё другая надежда – получить орден Святого Владимира 4-й степени, который массово жаловался гражданским чиновникам VII класса по выслуге лет и тоже обеспечивал права потомственного дворянина.

Примерно за год до награждения орденом св. Станислава и присвоения чина надворного советника 47-летний Василий наконец женился. Взял он в жёны девицу намного моложе себя, звали её Александра Прокопьевна²⁵[1031], и происходила она, скорее всего, тоже из семьи небогатого чиновника, из купечества или духовного звания. К сожалению, больше мы ничего о ней не знаем. Но известно, что её дочь Антонину крестила Ирина Прокопьевна Садовская[1028], жена благочинного священника станицы Успенской на речке Калалы (приток Егорлыка) Черноморского казачьего войска Александра Садовского²⁶[1027], возможно, родная сестра Александры Прокопьевны. Есть упоминание и о другой крёстной – купеческой жене Матрёне Прокопьевне Ивановой [1030]. На сайте современного Свято-Успенского прихода²⁷ есть указание, что тело приходского настоятеля в станице Успенской, отца Александра, погребено в храме, где он служил. А поручителем на свадьбе сына Василия, Аркадия Никифорова, в 1896 году будет Николай Садовский²⁸, учитель Ставропольского духовного училища.

Если предположить, что матушка Ирина с Александрой действительно были сёстрами, то мы выходим на интереснейший литературный памятник – «Материалы для летописи Успенского прихода» священника Александра Садовского. Вряд ли возможны такие совпадения имени и места. Отец Александр выпускает этот «дневник» ежегодно с 1906 по 1909 годы, эмоционально излагая события приходской жизни, в буквальном смысле пропуская их через своё сердце. Трепетно он пишет о старом обветшавшем храме станицы Успенской, в котором – возможно! – бывала и Александра Прокопьевна Никифорова: «Церковь наша, наша матушка родная, в жалком рублище – вместо если не роскошной, то приличной одежды; ея головной убор – кресты – покосились; порожки, пол, это обувь на ногах, поизносилась, с щелями, трещинами, а дождь пойдёт, сырость всюду и грязь, смотреть больно, когда войдёшь во внутрь храма: вода,

²⁵ Прапрабабушка С. А. и Е. А. Никифоровых.

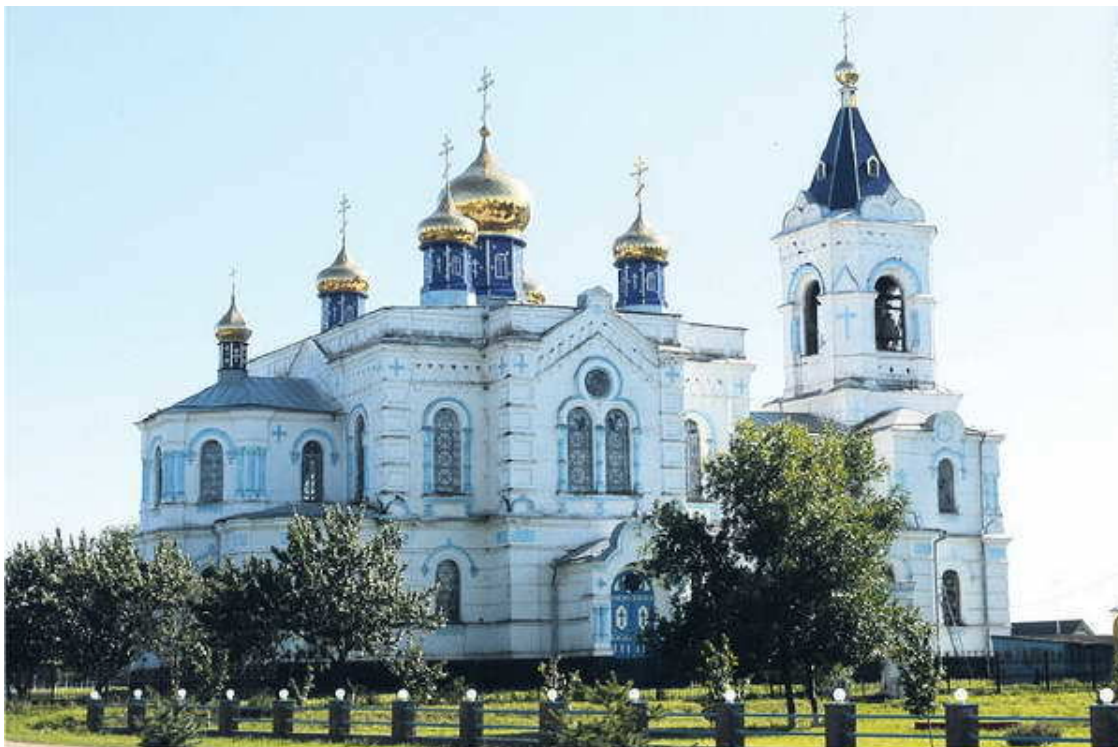
²⁶ Архивный Отдел Администрации МО Усть-Лабинского района. Ф. 331. Оп. 1. Д. 125. Метрические книги Николаевской церкви станицы Усть-Лабинской за 1877–1878 годы. Л. 26об.-27. Ирина Прокопьевна Садовская скончалась 29 декабря 1904 года в станице Успенской. См. ГКАУ ГАСК. Ф. 398. Оп. 41. Д. 343. Об утверждении духовного завещания Ирины Прокопьевны Садовской (1906).

²⁷ <http://svvato-us.cerkov.ru/>

²⁸ ГКАУ ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1405.

льёт сквозь ветхую одежду храма – крышу!.. В бурю-непогоду трясла головой-колокольной. Ах, недолго, родная, осталось тебе жить с нами»²⁹.

Но особенно страстно отец Александр пишет о закладке нового храма, веря в живую силу семейной памяти: «Зовите всех: стариков, женщин, детей. Пусть все помнят этот лучший, счастливейший, наирадостнейший момент в их жизни! Детей особенно зовите: – пусть дети (ведь для них-то и строится храм.) запомнят, возрастая, что когда-то они были свидетелями закладки нашего храма. расскажут своим детям и внукам, как при ком, когда всё это было...»³⁰

Храм Успения Божией Матери в станице Успенской (1908)

В январе 1860 года Василия Фёдоровича Никифорова переводят из Тифлиса в Великолагерный пост смотрителем тамошнего провиантского магазина³¹. Великолагерный пост – это центральное укрепление 3-й части Черноморской кордонной линии Черноморского казачьего войска, расположенное на берегу реки Кубань. Где Василий встретил Александру, мы не знаем, но 13 марта 1861 года у них рождается сын Александр [511]. Семья обретает пристанище в станице Усть-Лабинской, куда смотрителем местного магазина 18 августа 1861 года был назначен Василий³².

Был ли он, наконец, счастлив, обрёл ли покой? Счастлив – да, безусловно, ведь у молодого уже отца один за другим появляются долгожданные дети, как будто он пытается наверстать ушедшие годы, сполна испытать отцовские чувства. И судьба даёт ему такую возможность: 1 сентября 1863 года у Василия рождается второй сын Леонид[512], 8 апреля 1865 года

²⁹ Садовский А., священник. Торжество закладки нового Успенского храма и освящение временного молитвенного дома в ст. Успенской Кубанской области // Ставропольские епархиальные ведомости. 1908. № 39. С. 1267–1268.

³⁰ Садовский А., священник. Торжество закладки нового Успенского храма и освящение временного молитвенного дома в ст. Успенской Кубанской области // Ставропольские епархиальные ведомости. 1908. № 39. С. 1279.

³¹ Извлечение из послужного списка Василия Никифорова. ГКАУ ГАСК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

³² Там же.

– дочь Глафира[513], 20 августа 1869 года – сын Флорентий[514], 22 января 1872 года – сын Аркадий[518] (сохранилось метрическое свидетельство о рождении и крещении его в Свято-Никольском храме станицы Усть-Лабинской³³, 5 мая 1877 года – дочь Антонина[515]. Усть-Лабинская, основанная в далёком уже 1794 году, к тому времени превратилась в большое поселение. К 1857 году в станице насчитывалось больше 300 дворов с населением 2 748 человек³⁴. Вместо обветшавшей и сгоревшей старой деревянной церкви на средства казаков и благотворителей был выстроен и к престольному празднику в декабре 1861 года освящён каменный храм Святого Николая Чудотворца³⁵. Настоятелем его стал священник Мефодий Платонов, вторым священником – Амкрит Иванович Островский (крестил Антонину Никифорову), диаконом – Георгий Соболев. Старшие дети Никифоровых, по всей вероятности, были крещены именно в Свято-Никольской церкви, но записи в сохранившихся метрических книгах свидетельствуют только о рождении Антонины и Вячеслава³⁶.

³³ ГКАУ ГАСК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-1об., 6-6об. Прадед С. А. и Е. А. Никифоровых.

³⁴ См. <http://ustlabinsk.bezformata.com/listnews/stanitca-ust-labinskava-ot-udovicha/57449443/>

³⁵ Не сохранился. В 1935 году храм был разрушен большевиками, священник отец Михаил (Лисицын) зверски убит, позже он был канонизирован как новомученик Российский. Свято-Никольский (Казачий) храм находился в центре ныне существующего городского парка на пересечении улиц Свободной и Красной (Ленина).

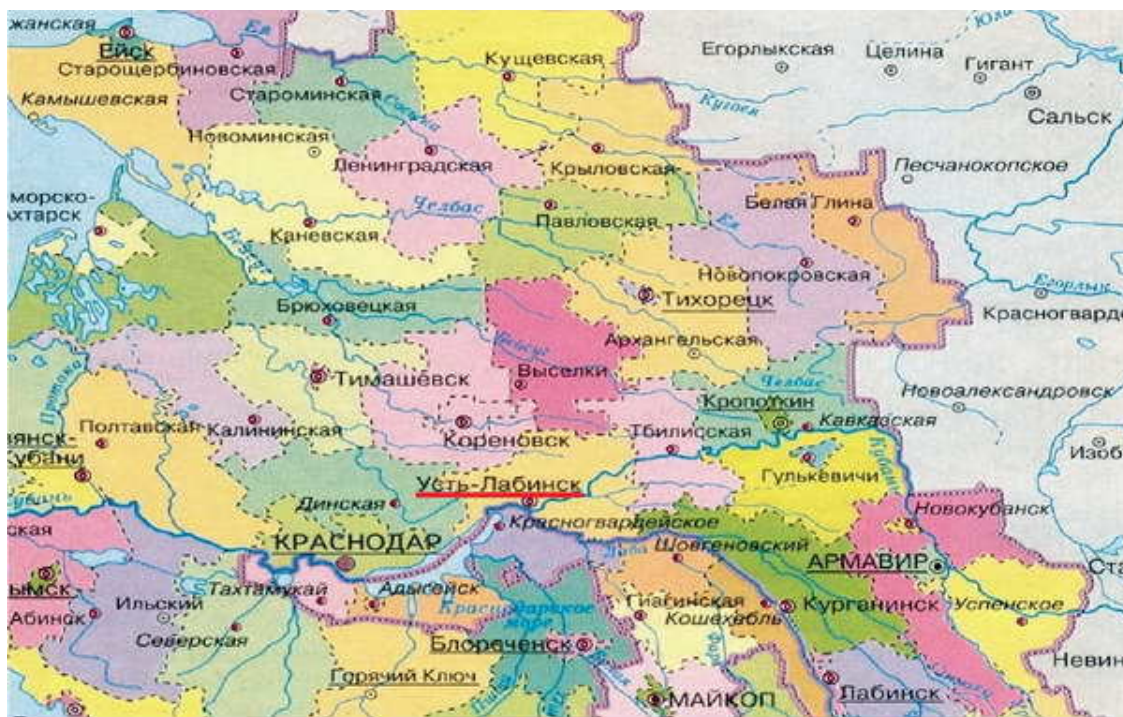
³⁶ ГКАУ ГАСК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-1об., 6-6об. См. также Архивный Отдел Администрации МО Усть-Лабинского района. Ф. 331. Оп. 1. Д. 125. Метрические книги Николаевской церкви станицы Усть-Лабинской за 1877–1878 годы. Л. 26об.-27, 60об.-61.

**Поклонный крест в городском парке Усть-Лабинска
на месте иконостаса Свято-Никольского храма**

23 января 1881 года на свет появляется самый младший ребёнок Никифоровых – дочь Мария[517]. К сожалению, в их большой семье не обошлось и без детских смертей, кото-

рые настигали тогда малышей всех сословий и семейного достатка без разбора. Нам известно только об одном младенце, сыне Вячеславе [516], который родился 14 августа 1879 года и 13 сентября умер «волю Божию»³⁷... Когда родилась Мария, последняя из достоверно известных детей, Василию Фёдоровичу исполнилось 67 лет, Александре Прокопьевне могло быть около 40. Но покоя и достатка в семье так и не наступило, напротив, Никифоровых ждали тяжёлые испытания, перевернувшие, но так и не сломавшие их жизнь.

Станица Усть-Лабинская (город Усть-Лабинск) на карте³⁸

Интендантская служба Василия Никифорова не означала, что он находился в тылу, ведь на Кавказе этого понятия как такового тогда практически не существовало. По истечении положенных двух лет в должности смотрителя Лабинского магазина 50-летний Василий в августе 1863 года, накануне рождения второго ребёнка, вновь срывается с места – и вновь на передний край: на завершающем этапе Кавказской войны он зачислен отрядным комиссионером в войска и непосредственно участвует в сражениях с горцами за реками Лабой и Белой. И опять получает награды и отличия. 1 мая 1865 года ему дарован Крест за службу на Кавказе, а 1 августа того же года он возвращается к семье в Усть-Лабинскую и вновь принимает Лабинский магазин в должности смотрителя³⁹.

Так почему же немолодой уже Василий Никифоров не просто занимается своим привычным делом – отпускает провиант воюющим полкам русской армии, но, как впервые записано в его послужном списке, непосредственно участвует в боях? Представляется, что ему необходимо было срочно исчезнуть из Усть-Лабинской и не совсем по своей воле. Там случилась беда. «В Ноябре 1861 года при сдаче Лабинского запасного парка Подпоручиком бывшей Кав-

³⁷ Архивный Отдел Администрации МО Усть-Лабинского района. Ф. 331. Оп. 1. Д. 125. Метрические книги Николаевской церкви станицы Усть-Лабинской за 1877–1878 годы. Л. 60об.-61, 142об.-143.

³⁸ Совсем недалеко от Усть-Лабинска находится город Кротопкин (хутор Романовский), где в 1922 году родилась Инна Семёновна Трофименко – бабушка Ларисы Анатольевны Дьяквой по материнской линии.

³⁹ Извлечение из послужного списка Василия Никифорова. ГКАУ ГАСК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 5-5об.

казской крепостной артиллерии Васильевым, назначенному на его место, Коллежскому Секретарю Пикульскому, Васильев потребовал от занимавшегося в парке писаря Мякотникова провиантскую книгу за 1861 год. Мякотников ответил, что книга находилась у Смотрителя магазина для засвидетельствования статей. Вследствие этого, 10 ноября, Васильев отправился в канцелярию магазина, для справок, где был извещён о самоубийстве Мякотникова. <...> При медицинском освидетельствовании оказалось, что Мякотников лишил себя жизни выстрелом из ружья в лицо, с раздроблением лобной и носовой костей»⁴⁰

⁴⁰ РГВИА. Ф. 801. Главное военно-судное управление. Оп. 92. Д. 43. По конфирмации Его Императорского Высочества Главнокомандующий Кавказскою Армиею о бывших Смотрителях Лабинского провиантского магазина, Надворном Советнике Никифорове, Коллежском Ассессоре Рослякове и Поручике Зайцеве, осужденных за злоупотребление по должности. Л. 3-41об.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.